

Ольга Растегаева

Так сложились звезды

Путешествия – это всегда истории про разрушение стереотипов, новый опыт и невероятные эмоции. За плечами автора – более 18 лет путешествий, сотни опубликованных статей и километры дорог. В этой книге Ольга собрала 11 самых увлекательных рассказов о своих поездках, добавила много юмора и самоиронии, щепотку исторических исследований и культурных наблюдений. Получилось интересно и весело. Вот что думает о своей профессии сама Ольга: «Одно из качеств, которым должен обладать не только хороший тревел-журналист, но и путешественник, – это спонтанность. Именно она в ответе за импульсы и энергию, это она всегда дает начало приключению. Большому или маленькому – неважно. Людей, способных с легкостью поменять планы, всегда ждет что-то удивительное в любом уголке планеты. Эта книга состоит из таких историй, случившихся за годы моей работы тревел-репортером».

Мы решили предложить вашему вниманию главу о путешествии в Антарктиду – все-таки мало кому пока удалось добраться до Белого континента и лично поприветствовать пингвинов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БОМБОРА», 2024

Море волнуется

Tierra del Fuego. Карамелькой во рту каталось название края света. Дальняя даль, финальная точка на карте. Архипелаг Огненная Земля, состоящий из 40 тысяч островов. Дальше – лишь строптивый пролив Дрейка, во время перехода по которому я буду молить днем позже всех морских богов о пощаде. Я сидела на лавочке у залива Бигл (мне нравится произносить с мягким «эль» на конце), тихого и кроткого, почти неподвижного, с темно-синими водами цвета сапфира высочайшей чистоты, и пыталась осознать себя в географическом удалении от точки рождения. Часом ранее я съела гору отменных крабов в ресторанчике на Сен-Мартен, главной улице Ушуаи. Присмотрела говядину на вертеле на ужин, поставила в паспорт памятный штамп с пингвином, приобрела сертификат, подтверждающий, что я побывала на краю света, попросила мужчину в тюремной робе сделать мне снимок у таблички, извещающей, что дальше только Антарктика. И битый час любовалась в порту кораблем, на котором на следующий день мне предстояло отправиться в самое эпичное путешествие моей жизни – к Антарктиде.

На краю света в ноябре предполагалась весна, но погоде было на это ровным счетом наплевать. За один только день она поменялась 33 раза. Неизменно было только одно – на Мальвинских островах всегда ветрено. Роза ветров тут вполне способна дать смачную по-

В XVI ВЕКЕ, КОГДА НЕЛЕГКАЯ В ПОИСКАХ ЮЖНЫХ БЕРЕГОВ ЗАНЕСЛА МАГЕЛЛАНА В ЭТИ КРАЯ, ОН СОСЛЕПУ ДАЛ НАЗВАНИЕ МЕСТНОСТИ – ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ. – А ЧТО ГОРЕЛО? – ПОИНТЕРЕСОВАЛАСЬ Я У ГИДА

щечину, если ты спасовал перед ней и нерасторопно повернулся не той стороной. Абсолютно все вещи в моем чемодане имели пометку «непродуваемое», а кое-что даже не пропустило влагу. Я была готова.

Я наблюдала за тем, как разгружаются в порту большие баржи, а краны укладывают разноцветные контейнеры, как кирпичики лего, в целые геометрические кварталы. Ушуая – это еще и большой морской грузовой хаб, который хоть и потерял свою былую славу после открытия Панамского канала, но все еще является важной локацией в мировом судоходстве.

Туристам, добравшимся до самого южного города мира – Ушуаи, – показывают красоты Огненной Земли в национальном парке и жуткую тюрьму, открытую в 1888 году. В нее ссылали преступников со всей Южной Америки. Вот же причудливо складываются обстоятельства: мы платим нынче огромные деньги, чтобы оказаться здесь по доброй воле.

Край света – словно большая книга душ. Сюда всегда заносило либо отважных, либо по ошибке, либо по волчьему билету. О человеческих судьбах можно

послушать много историй, местные краеведы уже собрали более трех тысяч досье, в основном преступников, оказавшихся на краю географии. Правда, первая запись в этих хрониках островов все же должна быть за Магелланом. Сослепу в XVI веке, когда нелегкая в поисках южных берегов занесла мореплавателя в эти края, он дал название местности – Огненная Земля.

– А что горело? – поинтересовалась я у гида. Оказалось, костры аборигенов, которые жгли их, чтобы согреться теплыми летними ушуайскими вечерами, предварительно намазав тела китовым жиром.

В честь Магеллана назвали небольшой пролив, отделяющий континент от островов, а в честь судна «Бигл», на котором путешествовал отец эволюционной стратегии Чарльз Дарвин, – канал. Пролив, стоящий преградой на пути всех стремящихся в Антарктиду, получил имя в честь британского мореплавателя и по совместительству пирата Фрэнсиса Дрейка.

В проливе Дрейка штормит, как нигде на планете. Он устраивает такую трепку, что в полубомороке представляешь, как два океана, Атлантический и Тихий, крепко перебрали при встрече и, не поделив Белый континент, затеяли драку. До Антарктиды из Ушуаи ходу без малого 56 часов. Штиля здесь почти никогда не бывает, штормит всегда: теплые воды с юга сталкиваются с холодными массами с севера, образуя огромные волны, достигающие в высоту 12 метров.

Двое суток мне хотелось кинуть прощальную записку в бутылке в бушующее море и отойти в летаргический сон, чтобы только не болтаться в океане над глубинами в несколько километров. Впервые в жизни меня свалила морская болезнь. Пиратка в душе, морская волчица в фантазиях, я бессильно лежала в своей каюте, закрывая глаза каждый раз, когда корабль заваливался на бок и каюта погружалась во мрак.

По полу ездил от стены к стене мой фоторюкзак, а за ним весело скакали белые резиновые сапоги, выданные мне вместе с непромокаемой фирменной ярко-красной курткой накануне. Я каталась голотурией (морским огурцом) по кровати с высокими бортиками.

После нескольких походов в туалет я поняла, что не пропаду в этой жизни и в случае чего вполне могу работать эквилибристом в цирке – дайте лишь поручень, похожий на клызетный, и точку опоры в любой плоскости, чтобы оттолкнуться ногами. Буду показывать занимательные трюки без оглядки на законы физики. Если

ФОТО: ОЛЬГА РАСТЕГАЕВА

только когда-нибудь доберусь до земли. Я закидывалась таблетками от укачивания, поправляла браслеты и пластыри. Даже выползала дважды в общественные зоны. Первый раз – убедиться, что серая мгла экзистенциальна, второй – ради лекции про птиц Антарктики, во время которой я уснула на третьем баклане.

Я оставила попытки влиться в социум экспедиционного круиза и слегла на отметке волн в семь метров, смиренно понимая, что пролив Дрейка – адская плата за шанс увидеть что-то необыкновенное. Все это напоминало бесконечное катание на американских горках, когда ты то падаешь в невесомость, то заваливаешься вбок, то резко стопоришься о волну. Оказалось, нам повезло, и за волнение в море отвечала миссис Дрейк, а ее супруг даже еще и не начинал. Но это старая шут-

АНТАРКТИКА ОСЫПАЛА КОРАБЛЬ СНЕГОМ В ТАКОМ КОЛИЧЕСТВЕ, БУДТО В НЕБЕСНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ЧИСТИЛИ ОГРОМНЫМИ ЛОПАТАМИ САМЫЕ ЮЖНЫЕ КРЫШИ В МИРЕ И СБРАСЫВАЛИ ВСЕ В ОЗОНОВУЮ ДЫРУ

ка с морской бородой. Проснувшись на третий день, я поняла, что больше не качает. Мы вошли в спокойные воды у Южных Шетландских островов, названных так потому, что они находятся на той же широте, что и Шотландия, только с другой стороны глобуса. Я стояла на палубе и смотрела, как мы медленно скользим мимо высоких гор по синей глади с белыми льдинами.

– Эх, я бы тут покатался! – с завистью сказал седовласый Йенс, мой новый знакомый. Пассажиры начали появляться из кают, утомленные двухдневной качкой. Мы спешно познакомились, старались запомнить, кого как зовут.

По плану мы должны были высадиться на одном из Южных Шетландских островов, Аитчо или Эйчо. Но мало ли что там у них указано в маршрутах, подумала Антарктика и затуманила прибрежные воды, осыпала корабль снегом в таком количестве, будто в небесной канцелярии чистили огромными лопатами самые южные крыши в мире и сбрасывали все в озоновую дыру.

Пришлось ей уступить. Так было во время этого круиза еще не раз. Потом мы не попали и в бухту Плено, и на остров Петерманн. Из-за погоды мы так и не пересекли Южный полярный круг, а это значит, что я не стала обладателем морского титула «Красный нос», положенного всем, кому повезло оказаться по обе стороны от параллели.

Для первых восторгов на замену нам был предоставлен остров Полумесяца, где мы и высадились после обеда на третий день. Мой первый антарктический клочок суши длиной в два километра был до абсурдности кинематографичен. Пейзажи сюрреалистичной весны, словно на них наложили фильтр в несколько цветов: черный, белый, коричневый и голубой. На мрачном небе висели тяжелые свинцовые тучи. Скалы,

столь кривоzubые, что казалось, облака оставляют изрядные клочки, цепляясь за них. Белый снег под ботинками. Коричневые дорожки пингвинов, которые ходят по ним к океану.

Небольшая стая пингвинов чинстрапов стояла неподалеку от берега и с любопытством наблюдала за людьми в ярких спасательных жилетах. Забавные, они были похожи на детишек, которые только что научились ходить. Тонкая черная полоска на их мордочках, напоминающая улыбку, делала каждую особь невероятно приветливой. Пингвины-смайлики подходили вразвалочку все ближе, вертели головами, хлопали крыльями и даже пытались заглянуть в мой фоторюкзак. У меня возникла дилемма: по правилам Антарктики подходить к пингвинам ближе чем на пять метров, а также пересекать им дорогу нельзя. Но как правильно поступить, если милые птицы сами идут навстречу и весьма гостеприимно настроены? Я была очарована. Чинстрапы стали моей первой пингвиной любовью из всех 17 видов, обитающих в Антарктике. Ну как не влюбиться в того, кто может скользить на брюшке со скоростью 4 км в час и при этом улыбаться?

В познавательной ловушке

На острове Кувервиль Антарктика захватила нас в плен. Мы – это я с кучей фототехники, оператор Серхио, увешанный видеогаджетами, и Селин Кусто – внучка знаменитого океанографа Жака Ива Кусто. Высадившись на очередной остров, мы провели на нем на несколько часов больше запланированного для съемок времени.

Контролировать строптивый нрав Антарктики, похоже, не удавалось еще никому, включая нашего капитана. Жить приходилось по фактической погоде. А фактическая погода располагала к приключениям: ветер стих, с неба сыпал почти новогодний снежок. Но это была антарктическая ловушка. Все больше Антарктида представлялась мне континентом одушевленным – разумеется, женского пола – с весьма стервозным характером.

Кувервиль принадлежит колонии пингвинов генту. Кто-то их однажды назвал ослиными пингвинами за их протяжные крики, хотя с виду эти птицы довольно милые – с красными клювами и белой полосой на голове. Кроме того, они не только быстрые пловцы, разгоняющиеся под водой до скорости под 40 км в час, но и известные фридайверы: генту могут нырять на 200 м в глубину. Все это я узнала от Селин, когда мы плечом к плечу сидели в наспех выкопанном иглу, прячась от колкой метели в ожидании помощи. Болтали об озерах, что найдены учеными под толщей льда, полных живых микроорганизмов, бактерий и вирусов, которым явно не одна сотня тысяч лет. Про песни айсбергов – говорят, особенно они меланхоличны у шельфового ледника Росса.

Генту ходили около нас кругами, вытоптав дорожку, словно проверяя, как там у нас дела и все ли с нами в порядке. В целом до момента, когда полил ледяной дождь, было все не так уж плохо. Но постепенно влага пробиралась внутрь, промокла шапка, стали влажными перчатки. Аккумуляторы давно сели, техника была надежно укрыта в рюкзаках. Делать было

совершенно нечего, кроме как смиренно ждать, когда Антарктика перестанет психовать.

Льды расступились так же внезапно, как и появились из белой тьмы. Макси и Родриго, члены команды *Antarctic Dream*, моментально кинулись в ледяное месиво, показывая нам, что надо забираться в лодку как можно быстрее. Но это оказалось самым трудным. Ни ноги, ни руки больше не слушались, я замерзла. Забраться на корабль помог Макси, заботливо подталкивая меня под мокрый зад на лестнице.

Капитан Баррия лично убедился, что с нами все неплохо, и, нахмутив брови, удалился на свой мостик. Я обняла кружку с какао, уже раздумывая, тихо сидела в гостиной, пытаюсь найти в метели очертания Кувервиля. И как после этого, черт побери, поверить в то, что 53 млн лет назад здесь было тепло,

ЧИНСТРАПЫ СТАЛИ МОЕЙ ПЕРВОЙ ПИНГВИНЕЙ ЛЮБОВЬЮ ИЗ ВСЕХ 17 ВИДОВ, ОБИТАЮЩИХ В АНТАРКТИКЕ. НУ КАК НЕ ВЛЮБИТЬСЯ В ТОГО, КТО МОЖЕТ СКОЛЬЗИТЬ НА БРЮШКЕ СО СКОРОСТЬЮ 4 КМ В ЧАС И ПРИ ЭТОМ УЛЫБАТЬСЯ?

росли пальмы и даже жили динозавры? Впрочем, ученые утверждают, что к 2050 году климат в Антарктике будет как в Норвегии, а горы – как в Альпах.

Сложные метеословия всегда пугали карты первооткрывателям. Вроде как первым в этих краях оказался авантюрист Джеймс Кук в 1773 году в надежде отыскать шестой континент. Вполне возможно, что прибрежные льды островов Южной Георгии его смущали, и, не поверив в свою удачу, он отчалил восвояси. В 1820 году у берегов Антарктиды ходили британцы, Эдвард Брансфилд и Уильям Смит. Они даже дали название увиденным вдалеке скалам – Земля Тринити. Но двумя днями раньше официальные координаты Антарктиды занесли в судовые журналы Михаил Лазарев и Фаддей Беллинсгаузен. Капитаны русских шлюпов «Восток» и «Мирный» не высаживались на берег. И этот факт не давал мне покоя. Как вообще это возможно – преодолеть тысячи морских миль, бить склянки долгими неделями и даже не потоптаться по этой таинственной земле?

Тем больше гордости я испытывала, ступив сапогом уже через несколько часов на Антарктический полуостров. Я была не первым и, увы, даже не тысячным визитером – одним из 23 500 тех, кому повезло оказаться в этом бело-голубом мире в прошлые годы. А это всего лишь 0,00029 процента населения всего земного шара. Но меня не волновали цифры. Лишь координаты. Я – в Антарктиде!

Не завидуя Шеклону

Я покачивалась на волнах в заливе Андворд, сидя на борту зодиака, и протирала линзу фотоаппарата от

попавшей невесть откуда капли. Как вдруг лодка подскочила на волне, и в метре от меня показалась черная спина косатки.

Охнув от неожиданности, я восхищенно разглядывала через объектив огромную особь. Рядом вынырнуло четыре маленьких плавника – явно юная поросль. Мы покружились немного ради лучших ракурсов, сопроводили животных, пока те не ушли в глубину где-то уже в бухте Парадиз-бэй. Косаток, архетипичных злодеев морских леопардов, ленивых тюленей, китов, тысячи птиц и особенно этот сатанинский дуэт – поморника и буревестника – мы видели каждый день, не переставая удивляться, как в таком ледяном царстве могут жить сотни видов. И признаться, внезапно появившиеся косатки отвлекли нас от важного действия – высадки на шестую часть света.

В заливе Андворд, где стоял наш корабль, находится бухта Неко, которая считается самым удобным местом для географической вылазки на материк. И на нем я топталась целый час, млея от счастья. Честно говоря, кроме факта бытия на шестом континенте делать тут особо нечего. На берегу стоит лишь запершенная снегом, законсервированная до лучших времен аргентинская исследовательская станция, а вдалеке белеет вечный снежник.

Действующих станций на материковой части Антарктиды больше 30, на которых шесть месяцев в году работает более 4000 ученых. Но мы путешествовали вдоль континента и заколоченные станции на островах встречали намного чаще действующих. В честь высадки на материк нам устроили корабельную вечеринку.

Эрнест Шеклтон, английский исследователь Антарктики, умудрился забыть во время первой, ставшей неудачной экспедиции три ящика отменного виски – хайлендского солодового, купажированного, 15-летней выдержки. Об этом я думала, глядя, как в моем стакане в медовой жидкости тает тысячелетний лед, который наш бармен отколот от проплывающего мимо айсберга. Про исследователя я узнала многое во время корабельной лекции, и теперь мы обсуждали услышанное за бокалом. Через сто лет бутылки Шеклтону нашли под половицами на одной из заброшенных баз на мысе Ройдс, что на западной оконечности острова Росс, и известили об этом мир. Среди найденных бутылок три были столь редки, что производители

ФОТО: ОЛЬГА РАСТЕГАЕВА

попросили вернуть их в Шотландию на время, чтобы восстановить утерянную рецептуру 1898 года. Ведь вроде бы виски не стареет и вряд ли будет отдавать пингвиньим гуано. Но это же великий маркетинг!

Шеклтон был одержим Антарктидой, чего она ему в итоге не простила. Он вернулся сюда даже после того, как во время очередного плавания британский корабль раздавил льды, а экипажу в спешном порядке пришлось высадиться на дрейфующий айсберг и четыре месяца питаться пингвинами чинстрапами. Во время четвертой (и последней) экспедиции Эрнеста Шеклтону хватил удар. Быть может, как раз из-за того забытого на базе отборного шотландского виски.

На зимовку до второго

– Выхожу на следующей остановке, – сказала моя собеседница Ханнели, когда мы стояли на палубе и восторжались падающими в воду лавинами в проливе Лемер.

Это прозвучало так, будто мы едем на трамвае в ее родном Хельсинки, а мне по маршруту дальше. Я удивилась. Оказалось, что девушка не турист, а волонтер фонда *UK Antarctic Heritage Trust*, прошедший сложный отбор на полугодовую побывку в Антарктике. На острове Годье Ханнели и ее коллега Хелен будут работать в музее, сортировать письма в самом южном почтовом отделении Земли, вести наблюдения за колонией пингвинов.

Корабль бросил якорь в Порт-Локрое спустя пару часов, и я попала на новое временное место жительства Ханнели. На острове Годье было только два дома, один из которых был жилой, а тот, что побольше, с яркими красными ставнями, служил местом общественным – в нем разместились почта и сувенирный магазин. Весь остров неспешным шагом, пропуская вперед пингвинов, можно было обойти минут за пятнадцать.

Я стояла на пляже и наблюдала за милейшей сценкой. Пингвин бросал к ногам своей самочки, утаптываяющей гнездо, базальтовый камушек.

Полгода здесь? Самопроизвольно изолироваться от этого чудного мира? Условия для проживания, с точки зрения городского бездельника, сложные: принимать душ можно только на швартующихся в бухте кораблях, там же полноценно чревоугодничать. Связи никакой, интернет в ясные дни поминутно, нет ни телевидения, ни трансляций. Шопинг только в местном сувенирном за английские фунты. Маникюр (даже такой, как у генту, – блестящий черный на розовых лапках) не сделать.

Из развлечений только шахматы и книги. Но сколько раз я читала о полярниках, которые в приступе гнева из-за проигрыша шли крушить сугробы вокруг дома, размахивая шахматной доской.

Не будут ли потом сниться крики ослиных пингвинов по ночам всю оставшуюся жизнь? Хотя без связи ощущение времени искажается. Просто пройдет время сквозь пингвинов – и пора будет возвращаться. Плюсы тоже наверняка есть. Можно не комплексовать среди тюленей из-за лишнего жирка. Пинги бывшего не достанут. Как и новости о безумствах, происходящих в мире в другом полушарии. В конце концов, может быть, новые данные о жизни пингвинов генту сделают наш мир лучше.

Кругом обман!

– Насколько опасны айсберги? – спросила я у капитана накануне за ужином, глядя на одинокую глыбу грубоватой огранки, торчащую вдалеке в темной воде. Эрнесто Баррия, строгий, с военной выправкой, но с авантюрными искорками в глазах, как у всех этих парней, стоящих у штурвала и проводящих во льдах по полугода, даже не отшутился в ответ.

– Для кораблей неопасны, они видны издали, но лучше не приближаться на маленьких лодках, потому что они периодически переворачиваются. Верхушка тает на солнце, у айсберга смещается центр тяжести, и он кувьркается вверх дном.

Несколькими днями ранее Эрнесто, стоя на капитанском мостике, следил за нами в свой капитанский бинокль и громко в матюгальник отчитывал нашего гида, которого я подбивала прокатиться ради эффектного кадра через красивую ледяную арку в Шарлоттс-Бэй.

Мы разговаривали об опасностях в Антарктике – так себе тема для тревожных, но к темному чилийскому карменеру идет идеально. Помимо льдов, предостаточно во всех ипостасях – айсбергов, ледяной крошки, не дающей подойти зодиакам к берегу, толстым настам, которые под силу разломать только ледоколу, – в Антарктике случаются лютые морозы, снежные бури, шторма. Погода здесь вообще меняется, как настроение у циклотимика. То сквозь многоуровневые тучи появляется солнце, освещает весь этот безмолвный мир и выдает столь яркие закаты, что они западают в самое сердце. То тихо падает снег, сначала оставаясь снежинками на теплых варежках, а затем упаковывая тебя в белый саван без спроса.

ОСТРОВ ДЕСЕПШЕН – ИДЕАЛЬНАЯ ПОДКОВА, КАЛЬДЕРА ВУЛКАНА, ПРИЧЕМ ДЕЙСТВУЮЩЕГО. ГДЕ-ТО ГЛУБОКО ПОД ТЕМНЫМИ ВОДАМИ ВУЛКАН РАСТОПИЛ ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ АНТАРКТИКИ И ГРЕЕТ, ГРЕЕТ, ГРЕЕТ ЭТИ ЧЕРНЫЕ ЗЕМЛИ

С точки зрения капитана, самым сложным отрезком на пути нашей экспедиции является остров Десеппшен, самый известный из Южных Шетландских. Туда-то мы и шли полным ходом по проливу Брансфилда, планируя прибыть завтра.

Десеппшен – никакой не остров, а идеальная подкова диаметром 14 км. Кальдера вулкана, причем действующего. Где-то глубоко под темными водами вулкан растопил ледяное сердце Антарктики и греет, греет, греет эти черные земли.

Геологические процессы тут идут постоянно, и рельеф дна меняется: оно поднимается с большой скоростью – примерно 30 см в год. Корабли медленно заходят через узкий, шириной всего 400 м, проход «Мехи Нептуна», и на капитанском мостике не спускают глаз с приборов. Похоже, это единственное место в мире, →

где можно вплыть в кратер действующего вулкана на любом судне.

Десепшен – естественная гавань в Антарктике. В начале прошлого века в этой бухте от непогоды укрывали корабли китобой, а на берегу бесперебойно функционировала станция, которая только за один сезон 1912–1913 года, согласно дневникам, переработала более 5000 китовых туш. Затем сюда пришли ученые. Чили, Аргентина и Великобритания построили исследовательские станции. Но после извержения вулкана в 1967 году люди покинули остров, оставив покрывшиеся ржавчиной топливные резервуары, странные металлические конструкции, покосившиеся бараки. Все эти штуки делают пейзаж неумолимо похожим на планету Шелезяка из книги Кира Булычева.

Мы пришвартовались в заливе Порт-Фостер, высадились на берег, и я не могла избавиться от ощущения, что стерва Антарктика вводит в заблуждение. Пейзажи словно подменили – ни снега, ни льдов. Кругом лишь черный вулканический песок, в котором каждые сто метров торчали кости почивших морских гигантов, высокие темные скалы с терракотовыми расщелинами, покрытые пеплом ледники, старая китобойная станция и угрюмые дома исследовательских баз. В кальдере гулял ветер. При особенно сильных порывах чудилось, будто он отработывает по центрифуге скалы, разгоняясь по кругу, чуть спотыкаясь о самую высокую гору Понд. Ветер завывал в пустых домах и заставлял кряхтеть оконные рамы в бараках, едва заметно качались кресты, под которыми вечным сном спят те, кто покинул этот мир в столь странном месте.

И тем не менее сюда вся антарктическая фауна приплывает как на курорт, ведь среднегодовая температура на острове Десепшен всего лишь $-2,9^{\circ}\text{C}$. На теплом песочке греются тюлени и котики, у кромки воды топчутся пингвины, словно пожилые швейцарцы, готовясь окунуться в термальные источники. К марту даже взойдут растения, сплошь все как один эндемики. Да что там, на Десепшене живет даже один вид мухи.

Над водой на мелководье поднимался белый пар, и было полное ощущение, что она горячая. Фактически это самое теплое место в Южном океане. Казалось, сейчас пройду по кромке воды – и моя нога ощутит тепло прямо через резиновый сапог и теплый носок.

На острове Десепшен принято купаться. Здесь проходят посвящение новички в экипажах судов: для того

чтобы стать своим на антарктических рейсах, нужно зануриться с головой. Пассажиры начали срывать одежду и с воплями забегать в воду. И очень стремительно, но уже молча выбегать обратно. Я никак не могла решиться, все прикидывала, сколько по времени надо будет снимать куртки, флиски, шапки, термобелье, под которое я предусмотрительно надела купальник. «Оля, разве ты не старая морячка, ходившая много где?» – уговаривала я себя.

Все поплыли – и мне надо. Я начала раздеваться. Забыв снять перчатки, тут же запуталась в штанине, одновременно пытаюсь стянуть сапог. Мурашками покрылись уже все открытые части тела, и нейроны, забегавшие в ужасе в мозг, начали недоуменно задавать вопрос: «Мать, куда это ты?» Кое-как, вывернув наизнанку все вещи и разбросав их на камнях, не по-

ВСЕ ПОПЛЫЛИ – И МНЕ НАДО. Я НАЧАЛА РАЗДЕВАТЬСЯ. ЗАБЫВ СНЯТЬ ПЕРЧАТКИ, ТУТ ЖЕ ЗАПУТАЛАСЬ В ШТАНИНЕ, ОДНОВРЕМЕННО ПЫТАЮСЬ СТЯНУТЬ САПОГ. МУРАШКАМИ ПОКРЫЛИСЬ УЖЕ ВСЕ ОТКРЫТЫЕ ЧАСТИ ТЕЛА

думав о том, что это позор полярника, я, завязав узлом рыжие косы на макушке, метнулась в воду. Меня сковали льды, перехватило дыхание, и мне показалось, что я обжигаясь о холод. Иллюзия столкнулась с антарктической реальностью: температура воды по шиколотку была около 7°C , чуть дальше – 0°C . Через полторы миллисекунды я уже стояла, в ужасе от содеянного, на холодных камнях и, трясясь, вытиралась полотенцем. Нет, никакой бани в тех старых постройках с заколоченными окнами не было. Нет, я не догадалась взять с собой запасные трусы. Застывая на ветру, мой мозг медленно и размеренно раскладывал по слогам матерные, но очень изящные выражения.

Показывая голую задницу тюленю Уэдделла, я с остервенением натягивала на себя все, что попадалось под руку. Кто-то из пассажиров похлопал меня по плечу и сунул в руку фляжку. Приятное тепло разлилось внутри, я сделала еще глоток и еще, натянула на уши шапку, застегнула молнию до подбородка и, попрыгав, окончательно согрелась. Наше вам от почетной антарктической полярницы с кисточкой.

За два дня лежки уже антарктическим тюленем на обратном пути в этой бесконечной болтанке Южного океана среди монотонных пейзажей я смаковала ощущение того, что побывала в Антарктиде. Она отпустила меня обратно, наигравшись, как предыдущими увлеченными странниками, наглядно продемонстрировав эту вечную борьбу за существование (с точки зрения пингвина) и это лютное, всегда ошеломляющее комбо из холода, монохрома, красоты, чистоты и ирреальной тишины. Мне даже казалось, мы стали подружками – две смелые женщины с непростым характером, но очень яркой судьбой.

